

Воспоминания

Захар Лупинов

В подарок от металлургов Магнитки сталевар, лучший наставник молодёжи вёз бюст Сталина каслинского литья и альбом из нержавеющей стали с видами Магнитки и Челябинской области.

Родился Захар Петрович Лупинов на хуторе Аюта Ростовской области в 1900 году, – как он сам говорил, «распечатал» новый век. Отец ушёл «на германскую» – первую мировую войну, и четырнадцатилетний Захар остался за хозяина. Когда подросток, устроился на шахту откатчиком, потом на металлургический завод в Красном Сулине – подручным сталевара. Вспоминал, что жара от мартенов стояла такая, что чугунные заслонки плавилась. Через год толкового парня поставили сталеваром, несмотря на то, что образование оставляло желать лучшего – всего четыре класса. При заводе Захар окончил школу мастеров, был на хорошем счету. И вдруг сорвался на Урал, в далёкую Магнитку, о которой писали во всех газетах.

«Читал, что там сооружаются печи-гиганты по ёмкости в шесть раз больше тех, на которых я работал, – вспоминал Захар Петрович. – Вот и загорелся. Много бумаги на заявления извёл: не отпустили. Когда пришёл вызов из Магнитогорска, отправился к директору. Тот, хоть

Торжественное заседание по случаю 70-летия Иосифа Сталина

На именинах у вождя

В 1949 году обер-мастер первого блока печей мартеновского цеха № 3 Захар Лупинов представлял ММК и Челябинскую область на праздновании 70-летия Сталина

и злой был, заявление подписал. И наказал не позорить на Урале нашу марку».

В 1937 году Захар Лупинов приехал в Магнитку. В то время работал только второй мартен, третий ещё строился.

«Думал, в цехе цветами встретят, – признавался Захар Петрович. – А начальник только глянул в бумаги и говорит: «Пойдём, посмотрим, какой ты сталевар». Повёл не к печи, а к пульту управления. А там приборов тьма. Тычет пальцем в один, другой: «Что это?» Прибор по расходу газа, отвечаю. Словом, выдержал весь экзамен, после чего поставили меня сталеваром на двенадцатую печь».

Первым делом Захар Лупинов собрал свою техническую библиотеку. А чего не находил в книгах и журналах, узнавал от более опытных коллег. Через полгода получил

благоустроенную квартиру на улице Фрунзе, перевёз семью. В 1940 году Лупинова назначили обер-мастером первого блока печей третьего мартеновского цеха.

«В начале войны близко сошёлся с Григорием Ивановичем Носовым, – вспоминал Захар Петрович. – Старейший обер-мастер попросил меня наварить подину третьей мартеновской печи. Я отнекивался: мол, опыта такого нет. Вдруг позади меня появляется Носов, глаза хмурые: «Опыта нет? Меня когда директором ставили, тоже сомневался, думал, не справлюсь, а мне сказали: «Надо!» Подину тогда я наварил удачно».

С началом Великой Отечественной войны сталевары под руководством Лупинова осваивали выплавку в большегрузных мартеновских печах десятков марок легированной стали военного назначения, броне-

вой стали. Одновременно с этим обучал Захар Петрович азам профессии выпускников ремесленных училищ. В цехе ко всем обращался по имени-отчеству – от третьего подручного до сталевара, а в ответ слышал: «Дядя Захар».

«Пока варили опытную плавку, Григорий Иванович от печи не уходил, – вспоминал Захар Лупинов летние месяцы 1941 года. – Когда слили вторичный шлак, попросил подать ковш поближе. Долго через защитные очки вглядывался в поверхность жидкого металла. Хотя анализа ещё не было, директор не мог сдержать радости: «Братцы, ведь это же наша Победа!» В тот же вечер пришлось присутствовать на полигоне, где расстреливали нашу броню. Когда выпустили последний снаряд, все ринулись к испытательному стенду: на металле ни трещинки, только вмятины».

Захар Петрович отмечал, что металлурги любили и жалели своего директора. Окно его рабочего кабинета знали все, как и то, что рабочий день директора заканчивается далеко за полночь. Уже после войны Захар Лупинов обходил многочисленные инстанции с просьбой поставить на проходной ММК памятник Носову и очень переживал, не найдя поддержки.

За образцовое выполнение заданий ГКО СССР в 1945 году старший мастер Лупинов был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Его послевоенный труд отмечен тремя орденами и пятью медалями.

В 1947 году депутат Верховного Совета РСФСР Захар Лупинов на заседании сессии впервые «живую» увидел главу государства Иосифа Сталина. А через два года неожиданно для себя стал посланцем Магнитки на праздновании 70-летия вождя. Ехал в Москву в одном купе с секретарём обкома Патоличевым. Все пространство было заполнено разнообразными подарками юбиляру. Копейские шахтёры на куске угля высекали портрет Сталина, мастера из Златоуста изготовили на листах из нержавеющей стали гравюры заводских и городских пейзажей.

«Торжественное заседание проходило в Большом театре, – рассказывал Захар Петрович. – Среди гостей члены правительства, учёные, представители союзных республик и демократических стран. Секретарь Болгарской компартии передал юбиляру письмо, подписанное пятью миллионами граждан. В бинокль я выхватил лицо Сталина, мне показалось, что он отбывал обязательную, но ненужную повинность. На другой день празднование продолжилось в Георгиевском зале Кремля».

Захар Лупинов стал примером не только для молодых сталеваров, но и для своих потомков – пятеро его детей связали свою жизнь с комбинатом. После выхода на пенсию он возглавлял штаб народной дружины и был частым гостем в подшефной школе № 51.

Елена Брызгалкина

Визит

Уральский вояж Натальи Кончаловской

В 1973 году известная детская писательница и переводчица побывала в Челябинске и Магнитогорске.

«Внучка Сурикова, мать Михалкова», – говорили о Наталье Петровне Кончаловской. Впрочем, её родственные связи можно перечислять долго. Её отец – известный художник Пётр Кончаловский, дед – знаменитый русский живописец Василий Суриков. Кроме того, Наталья Кончаловская была женой советского поэта Сергея Михалкова, матерью знаменитых режиссёров Никиты Михалкова и Андрона Кончаловского и тёщей литератора Юлиана Семёнова. Хотя известна она не только талантливыми родственниками, но и благодаря собственному творчеству – прозе, переводам и детским стихам, которые Наталья Петровна, говорят, писала не хуже мужа, классика советской литературы. Её поэму об истории Москвы – «Наша древняя столица», – которую Кончаловская писала почти пятнадцать лет, знали несколько поколений советских школьников. Она умела простым языком донести до юных умов важные вещи об истории, родине, дружбе, музыке.

На Южный Урал Кончаловская приехала по приглашению поэтессы Людмилы Татьянической. Поводом послужила Неделя детской книги,

которую ежегодно организовывала Челябинская областная детская библиотека. В марте 1973 года сотрудники библиотеки совместно с областной комсомольской организацией обратились к Татьянической, которая в то время уже жила в Москве и работала секретарём правления Союза писателей РСФСР, с соответствующей просьбой. Людмила Константиновна, дружившая с Натальей Кончаловской, приглашение передала с радостью – к Уралу она относилась с любовью и уважением. Она с такой теплотой рассказывала об этом суровом крае, что Кончаловской захотелось лично увидеть уральские красоты и почувствовать настоящий уральский характер. Кроме того, ходатайство южноуральских комсомольцев поддержали московские коллеги. Так что уговаривать её не пришлось. На Урал Кончаловская отправилась с радостью. Несмотря на приличный возраст – семьдесят лет – Наталья Петровна с удовольствием путешествовала по стране и знакомилась с новыми людьми. «Когда московские комсомольцы попросили меня поехать в Челябинск на Неделю детской книги, я поехала, как охотник весной едет на тягу, со всюю радостью предвкушения неожиданной удачи», – писала она.

В конце марта 1973 года известная писательница приехала в столицу Южного Урала. Следующие две

недели были наполнены именами и событиями: выступление на телевидении, в институте культуры, перед учителями школ, в обкоме комсомола, где собрали корреспондентов сельских газет. Во Дворце железнодорожников Наталья Кончаловская встретилась с юными читателями и познакомила их со своей книгой «Дар бесценный».

Наталья Петровна сетовала на то, что ей не удалось попасть в Ильменский заповедник, который был закрыт «по причине появления энцефалитного клеща». Но она побывала на озере Тургояк и в минералогическом музее Миасского горного техникума, где попала под очарование уральских самоцветов. В мае того же года Кончаловская вновь приехала на Урал – в этот раз её целью стал Магнитогорск: «Вот он, город, о котором столько писали, за которым следила в течение десятилетий вся страна, которым она гордилась и гордится поныне...»

Особенно впечатлил её Магнитогорский металлургический комбинат – размахом, громадностью: «Ради этого гиганта здесь живут люди и ради него сюда приезжают из разных стран. Жизнь здесь совершенно особая, и когда попадаешь в её кипение, то оно ошеломляет...». Наталья Кончаловская побывала в мартеновском цехе, где выступила перед сталеварами, собрала материал о судьбах «магнитогорского

итальянца» Чирилло Векки, бывшей партизанки Лидии Чугуновой, о династии Галиуллиных. Кроме того, встретила с Борисом Ручёвым. Поэт к тому времени был тяжело болен – через полгода после этой встречи его не стало. Оказалось, что Наталья Кончаловская многое знает о судьбе и творчестве Ручёва, во время беседы она не раз читала по памяти его стихи.

Ещё на Челябинской телестудии Наталья Петровна увидела документальный фильм «Семья Галиуллиных» и загорелась идеей встретиться с представителями этой металлургической династии. Фильм начинался с домашних кадров – многочисленное семейство за большим обеденным столом, затем повествование плавно перетекало в горячие цехи ММК. Оказавшись в Магнитке, Кончаловская позвонила по номеру, который ей дали в Челябинском обкоме партии. К телефону подошла вдова Хабибуллы Галиуллина – Сабиря: «Кто говорит? Писательница из Москвы?» Уже на следующий день Кончаловская гостила в небольшом уютном домике в посёлке Берёзки, где Сабиря проживала с одним из девяти своих сыновей и его семьёй.

Распивая душистый чай, женщины разговаривали о жизни, детях

Наталья Кончаловская

и внуках. «Так как же выходит, вся твоя родня работает на комбинате?» – интересовалась Наталья Петровна. «Вся! И сыновья, и невестки и зятья!» – с гордостью отвечала хозяйка. И смущённо призналась, что получает крошечную пенсию. И это при том, что именем мужа Хабибуллы названы посёлок, улица в Магнитогорске, нередко ей, как «вдове орденоносца», приходится встречать зарубежных гостей, да и сама Сабиря в Магнитке с начала 30-х годов, родила и воспитала целую трудовую династию, а живёт благодаря помощи сыновей. Кончаловская искренне восхищалась этой простой женщиной и её нелёгкой судьбой.

Впечатления писательницы от южноуральского путешествия легли в основу детской книги «Магнитное притяжение», изданной в Москве в 1976 году. Несмотря на то, что написана она для детворы, взрослые читали её с не меньшим интересом и отмечали, что словесные портреты Кончаловской очень точны.

Елена Брызгалкина